

ЮБИЛЕЙ А. В. БРУШЛИНСКОГО

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БРУШЛИНСКИЙ: ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАУКЕ

В. В. Знаков

*Институт психологии
Российской академии наук,
Москва, Россия,
e-mail: znakov50@yandex.ru*

Е. А. Сергиенко

*Институт психологии
Российской академии наук,
Москва, Россия,
e-mail: elenas13@mail.ru*

В статье раскрывается значение А. В. Брушлинского для психологической науки. Представлен краткий биографический очерк его жизни и становление его как методолога, теоретика, творца и организатора психологической науки. За почти полвека творческой деятельности он разработал теорию мышления как прогнозирования, исследовал фундаментальные вопросы методологии и истории психологии, проблемы искусственного интеллекта, соотношения психологии и математики. Им был разработан континуально-генетический (недизъюнктивный) метод исследования человека как субъекта. На основе этого метода А. В. Брушлинский создал теорию субъекта и его социальности, различив социальное и общественное; обобщил принцип детерминизма применительно к социально-историческому развитию человека. Показано, что А. В. Брушлинский разработал целостный оригинальный вариант психологии субъекта, сформулировав субъектно-деятельностный подход. В его варианте психологии субъекта фактически представлена история главных проблем российской психологической науки XX в., которые в течение почти полвека занятий научной деятельностью были в фокусе внимания Брушлинского. Это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики. Выделены основные принципиально новые положения психологии субъекта: осуществлен переход от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического; значительно расширены представления о содержании активности как фактора детерминации психики; проанализирована системность исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта; показана принципиальная возможность неоднозначности решений субъектом жизненных задач в противовес господствовавшему до этого в отечественной психологии представлению о получении нового знания о мире только в результате решения предметных задач. Кратко излагается суть психологии субъекта, сформулированная А. В. Брушлинским, который видел перспективу психологической науки в разработке субъектного подхода, в переходе от психологии психических процессов к субъектной психологии, что требует

значительных усилий и времени, консолидации научных усилий в решении данной задачи чрезвычайной сложности.

Ключевые слова: субъектно-деятельностный подход, психология субъекта, принципы психологии субъекта, перспективы психологии субъекта.

DOI: 10.7868/S1819265318020012

Работа выполнена по Государственному заданию ФАНО РФ № 0159-2018-0007

Для цитаты: Знаков В. В., Сергиенко Е. А. (2018). Андрей Владимирович Брушлинский: Жизнь, отданная науке // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 5–21.

Андрей Владимирович Брушлинский — выдающийся российский психолог, блестящий организатор науки, притягивавший и объединявший вокруг себя ученых, придерживающихся самых разных, иногда даже диаметрально противоположных взглядов. Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Президиума РАН (1992) и премии Президента РФ (1998). Трижды избиравшийся на основе тайного голосования директор Института психологии РАН (1989–2002), главный редактор «Психологического журнала» (1988–2002), один из учредителей и академик Российской академии образования, член президиума Российского общества психологов.

Андрей Владимирович родился 4 апреля 1933 г. в семье потомственных российских интеллигентов. Андрей Владимирович провел детство и юность в старинном московском доме на Плющихе, в котором жили еще его дед и бабушка. Дед, Константин Афиногенович Брушлинский, был юристом, высокообразованным царским генералом. Как рассказывал Андрей Владимирович, еще до революции на процессе по делу революционера Н. И. Подвойского генерал Брушлинский вопреки ожиданиям начальства добился отмены смертного приговора. И очень вероятно, что впоследствии этот смелый поступок стал одной из причин того, что семья Брушлинских не пострадала от сталинских репрессий.

Бабушка, Ольга Дмитриевна, была женщиной не только блестяще образованной, знавшей шесть иностранных языков, но и музыкально одаренной.

Отец Андрея Владимировича, Владимир Константинович, дожил до глубокой старости (1900–1992), он был известным советским философом, полиглотом, знавшим двенадцать языков. Мать, Варвара Платоновна Брушлинская (1899–1987), окончила в Москве Институт благородных девиц, получила образование историка, давала частные уроки французского языка.

В 1951 г. А. В. Брушлинский окончил с золотой медалью московскую среднюю школу № 34. В 1951 г. поступил и в 1956 г. с отличием окончил Отделение психологии философского факультета МГУ. Большое влияние на формирование его научных взглядов оказали преподаватели МГУ П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Запорожец, Е. Н. Соколов.

В 1953–1960 гг. Брушлинский учился, а затем работал в Секторе психологии Института философии АН СССР под руководством выдающегося советского психолога и философа С. Л. Рубинштейна. Встреча с последним стала судьбоносной в научной биографии Андрея Владимировича. Идеи Рубинштейна, его личность, образ мышления целиком поглотили молодого психолога. Вероятно, потому, что попали в унисон с его собственными размышлениями и стилем мышления. И это вопреки тому, что в те годы быть учеником Рубинштейна, за которым тянулся

А. В. Брушлинский (справа) и первый директор Института психологии АН СССР, член-корреспондент АН СССР Б. Ф. Ломов (слева) в зарубежной командировке

шлейф политических ярлыков («космополита» и др.), навешиваемых на него советскими идеологами и чиновниками от науки, было отнюдь не безопасно. Постепенно учение, обогащенное теоретико-экспериментальными знаниями и опытом, перешло у Андрея Владимировича в подлинное научное служение тому научному направлению, которое он развивал всю жизнь и истоки которого восходят к воззрениям С. Л. Рубинштейна.

В 1964 г. А. В. Брушлинский защитил кандидатскую диссертацию по экспериментальной психологии мышления «Исследование направленности мыслительного процесса». В 1972 г. в составе Сектора психологии перешел в организованный Б. Ф. Ломовым Институт психологии АН СССР. В 1977 г. защитил там докторскую диссертацию по теоретической и экспериментальной психологии мышления «Психологический анализ мышления как прогнозирования».

Существенное значение в профессиональном становлении Брушлинского сыграли его однокурсники, ставшие впоследствии крупными психологами: О. А. Конопкин, В. Н. Пушкин, О. К. Тихомиров. С последним его связывали особенно тесные человеческие и профессиональные отношения. Олег Константинович и Андрей Владимирович родились в один день, 4 апреля 1933 г., учились в одной группе отделения психологии философского факультета МГУ и полвека общались, дискутировали, обсуждали острые проблемы общей психологии, в частности психологии мышления. Их ожесточенные научные споры сопровождались остроумными выпадами, подобными фехтовальным уколам рапиры, причем, никогда не задевавшими личность оппонента. Основной причиной азартных принципиальных дискуссий, конечно же, была приверженность разным научным традициям — идущим от Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна.

Брушлинский на людей, мало знавших его, нередко производил впечатление суховатого, педантичного и явно эмоционально сдержанного человека. Однако такое ошибочное впечатление быстро исчезало у тех, кто хотя бы раз поговорил с ним. Андрею Владимировичу были присущи интеллигентность, впитанная с молоком матери порядочность и, наконец, какое-то никакими словами не передаваемое обаяние, «дух» коренного москвича, который уже почти не встречается в наше время. У него был полемический склад ума, сочетавшийся с неизменным интересом, какой-то неистребимой страстью к науке, о которой он мог рассуждать часами. В том числе и с молодежью, общение с которой доставляло ему особое удовольствие.

Притягательность его личности заключалась и в том, что всей своей жизнью он демонстрировал во многом недостижимые для других образцы поведения. И эти образцы относятся к тем главным сферам бытия, которые и делают человека человеком, — интеллектуальной, нравственной, духовной. Брушлинский был настоящим российским интеллигентом и типичным лучшим представителем университетской профессуры. В нем было нечто, что, особенно в советские времена, отличало профессоров классических университетов от большинства преподавателей институтов. Это «нечто» трудно объяснить словами, однако главное отличие связано не с информационным уровнем познания и общения, не с умением передавать знания студентам. Многие знания со временем у студентов выветрились из памяти, но сохранилось главное — ощущение высокой духовности профессора Брушлинского (как бы ни понимали духовность разные люди). Одухотворяла его не только бескорыстная преданность науке, но и вера в людей, какая-то особая обходительность и доброжелательность в общении с каждым человеком — от уборщицы

А. В. Брушлинский в своем кабинете
директора Института психологии РАН

и студента до академика и министра. Все вместе и порождало в окружающих ощущение соприкосновения не только с незаурядной личностью, но и подлинным интеллигентом. Причем в суждении об интеллигентности ключевым оказывался не высокий интеллект (умных и интеллектуальных много), а, скорее, нравственное отношение к людям и отчетливо выраженная гражданская позиция, осознание себя гражданином России, ответственным за все, что происходит в твоей стране.

Одна из главных причин сочетания в нем таких человеческих качеств очевидна: Андрей Владимирович происходил из «благородного» семейства в том старом, из позапрошлого века, подлинном значении этого слова, которое мало кто сегодня способен понять в полном объеме и, так сказать, изнутри. Однако это не значит, что он был старомоден: некоторым «современным» коллегам архаичными казались его моральные установки, категорическое нежелание использовать повелительное наклонение в разговоре с подчиненными. Например, уже будучи

директором Института психологии РАН он никогда не «вызывал» сотрудников в свой кабинет, он всегда «приглашал». Отсюда и услышанная вскользь фраза: «Ну что это за директор, который в рабочий день, обязательный для посещения, звонит домой сотруднику и спрашивает, собирается ли тот быть сегодня в Институте, и только после этого просит в 16 часов 15 минут зайти к нему?».

Однако внешняя мягкость и деликатность в обращении с людьми сочетались в нем с, видимо, унаследованной от предков удивительной твердостью и неуступчивостью в принципиальных вопросах. Этот невысокий человек с юношеской фигурой гимнаста был похож на андерсеновского стойкого оловянного солдатика. Твердость в отстаивании научных принципов проявлялась у него смолоду. По рассказам жены Брушлинского Тамары Константиновны — психолога и его однокурсницы в МГУ — сначала он очень увлекался теорией П. Я. Гальперина. Потом, когда в библиотеках был снят запрет на открытый доступ к трудам Л. С. Выготского, Андрей Владимирович на несколько лет углубился (почти в прямом смысле этого слова) в кропотливое изучение и вдумчивый анализ работ этого незаурядного мыслителя. Результатом анализа стала его первая книга, являющаяся сегодня библиографической редкостью: «Культурно-историческая теория мышления» (1968). Однако поскольку Брушлинский во многом не соглашался с Выготским и всегда публично говорил об этом, то Василий Васильевич Давыдов, по-человечески ценивший и очень неплохо относившийся к Андрею Владимировичу, называл его «ниспровергателем Выготского».

Он умел принимать решения, но был не импульсивно, а продуманно решительным человеком. Обычно он долго и тщательно готовил трудные решения, но уж подготовив, старался идти до конца, не думая о неприятных последствиях лично

для него. Вместе с тем он имел обыкновение неоднократно спрашивать близких ему людей, не видят ли они каких-то подводных камней для Института в предлагаемом им решении. Это упорство в достижении цели всегда поражало окружающих (Мелешко, Журавлев, 2006).

В зрелом возрасте Брушлинский совершал поступки, которые со всей очевидностью могли неблагоприятно отразиться на его карьере. Андрей Владимирович был одним из немногих, кто в середине 1990-х годов решительно, преодолевая сопротивление чиновников от науки, выступал за выделение гуманитарных наук в самостоятельный фонд, т.е. за отделение РГНФ от РФФИ. Учитывая междисциплинарную направленность и энциклопедические знания ученого, вполне естественно, что в новом фонде именно Андрей Владимирович курировал деятельность экспертного совета по проблемам комплексного изучения человека, психологии и педагогики, в котором рассматриваются конкурсные проекты медиков, экологов, физиологов и представителей многих других специальностей. Также по принципиальным соображениям в РАН он высказывал точку зрения, которая явно шла вразрез с мнением многих членов академии, в том числе и руководящих.

Он был трезвым и современным человеком, совершающим поступки в реальном научном сообществе. Люди есть люди: некоторые через какое-то время на выборах в РАН подходили к нему и говорили, что голосовали за него, уважая его последовательность и принципиальность. Другие, к сожалению, и после смерти не могут простить его за неконформизм и отстаивание личной точки зрения (к слову сказать, она выражала мнение многих психологов, не имевших права голоса в РАН).

За почти полвека творческой деятельности он разработал теорию мыш-

ления как прогнозирования, исследовал фундаментальные вопросы методологии и истории психологии, проблемы искусственного интеллекта, соотношения психологии и математики. Им был разработан континуально-генетический (недизъюнктивный) метод исследования человека как субъекта. Анализ континуально-генетической концепции А. В. Брушлинского представлен в глубокой работе Т. К. Мелешко (2005). На основе этого метода А. В. Брушлинский создал теорию субъекта и его социальности, различив социальное и общественное; обобщил принцип детерминизма применительно к социально-историческому развитию человека. Разработал теорию мышления как прогнозирования субъектом исходно неизвестного решения задачи, раскрыв соотношение личностных и процессуальных аспектов прогнозирования, взаимосвязь сознательного и бессознательного, логических и психологических уровней мышления (Брушлинский, 1979; Брушлинский, 2006).

В работах отечественных психологов (А. В. Брушлинского, О. К. Тихомирова и др.) утверждается, что любое мышление всегда начинается и завершается пониманием. Вернее, мышление зарождается из проблемной ситуации, основанной на непонимании, затем реализуется в формулировании и решении мыслительной задачи, а завершается пониманием ее результатов. Мышление в целом направлено на получение человеком новых знаний, а та его сторона, которую мы называем пониманием, представляет собой процедуры постижения или порождения смысла знания, полученного в мыслительной деятельности. Именно во время решения возникают и развиваются процессы смыслообразования.

С. Л. Рубинштейн, а за ним и А. В. Брушлинский считали, что субъект познает объект, как бы вычерпывая его содержание при взаимодействии с ним.

Брушлинский, размышляя над основаниями психологии субъекта, сделал открытие, которое до сих пор практически никто не заметил: новое знание о проблемной ситуации может возникать не только как результат ее решения. Принципиальной новизной для субъекта обладают новые способы *интерпретации* того, что не имеет однозначного решения.

В эмпирической реальности мы имеем дело с предметными задачами, результатом решения которых является новое знание о мире. Обычно считается, что решение, например, шахматных задач, возникает в результате перебора познающим субъектом множества альтернатив. Однако в ряде случаев при формальной возможности выбора реально, психологически, он не совершается. Как показал А. В. Брушлинский, решая математические, физические и другие предметные задачи, в которых объективно возможны два или несколько способов решения, субъект никогда не начинает мыслительный поиск с выявления альтернатив и выбора одной из них. Для мыслящего субъекта альтернативы никогда не являются содержательно равноценными, равновероятными и требующими предпочтения только одной из них (Брушлинский, 2006). Если так обстоит дело с решением математических, физических и других четко определенных задач, то еще в большей степени подобные механизмы мышления реализуются при решении человеком нравственных задач, потенциально содержащих ситуации морального выбора (Брушлинский, Темнова, 1993). Исследования ясно показывают, что в ряде случаев моральные дилеммы вполне могут решаться без перебора вариантов, без выбора альтернатив. Однако выявление таких случаев в психологических исследованиях возможно только с помощью специальных, требующих больших временных затрат, процедур микросемантического анализа. Он при-

менялся Брушлинским для исследования единичных случаев.

Обобщающий итог его исследования заключался в том, что даже если по каким-то причинам субъект сначала вынужден фиксировать внимание на отдельном объекте, то в процессе мышления «вычерпывание» нового содержания происходит посредством расширения контекста, рассмотрения того, какое место он в нем занимает. Примером может служить то, в какой степени преступление обусловлено не только личностными чертами и мотивами преступника, но и обстоятельствами, в которых оно совершено. В 1990-е годы А. В. Брушлинский изучал эту проблему на примере отношения россиян к смертной казни (Брушлинский, 2006, с. 559–570). В этом и заключается познавательная деятельность: объект включается в новые связи и отношения, которые сами начинают влиять на него, наполняя познание новым содержанием.

В отличие от мышления понимание прямо не направлено на поиск нового, его главная функция — порождение смысла знания. Понимание всегда поливариативно, его полнота определяется степенью разнообразия вариантов интерпретации понимаемого. С позиции психологии понимания интерпретация — это конкретный, один из возможных способов понимания. В частности, способы решения нравственных задач, по А. В. Брушлинскому, есть не что иное, как различные интерпретации содержания понимаемой нравственной ситуации.

Психология субъекта в его субъектно-деятельностном варианте — квинт-эссенция научного наследия А. В. Брушлинского. И сегодня понятно, почему это так: психология субъекта была для него не просто совокупностью научных знаний, она стала неотъемлемой частью его мировоззрения и, главное, поведения. Отсюда вытекает его интерес к макропроблемам

социально-экономических преобразований Советского Союза и России в период перестройки и после него. И это был не голословный интерес: Андрей Владимирович обладал ярко выраженной гражданской позицией, которую он проявлял во многих, особенно критических для российской науки ситуациях. Таким образом, субъектно-деятельностный подход был для А. В. Брушлинского не научной абстракцией, а духовной практикой, которую он воплощал в жизнь.

А. В. Брушлинский разработал целостный, оригинальный и сформированный вариант психологии субъекта. В его варианте психологии субъекта фактически представлена история главных проблем российской психологической науки XX в., которые в течение почти полувека занятий научной деятельностью были в фокусе внимания Брушлинского. Это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики.

Принципиальная новизна психологии субъекта заключается главным образом в четырех основных положениях:

1. В переходе от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического.
2. В значительном расширении представлений о содержании активности как фактора детерминации психики.
3. В целостном системном характере исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта.
4. В различении господствовавшего до этого в отечественной психологии представления о получении нового знания о мире только в результате решения предметных задач и способа интерпретации того, что не имеет однозначного решения (надо ли отменять в нашей стране мораторий

на смертную казнь? что такое «гуманизм»? и т.п.).

Во-первых, такой подход дал Андрею Владимировичу возможность под новым углом зрения (по сравнению с его предыдущими исследованиями, например, решения мыслительных задач методом микросемантического анализа) взглянуть на фундаментальные проблемы, занимавшие его в течение всей жизни.

Во-вторых, пристальное внимание Брушлинского к макроаналитическому методу познания психического вообще. Вся его жизнь в науке (особенно последнее десятилетие творческой биографии) характеризовалась стремлением к изучению целостной, единой психики человека: сложных действий с объектами, нравственных поступков, гуманистической направленности личности и т.п.

Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений человеческой психологии — духовности, нравственности, свободы, гуманизма.

По сравнению с «классическим» рублинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности как фактора детерминации психики. «Активный фактор» является одной из ключевых категорий аппарата психологической науки. Понятие активности связывается с поиском и осмыслением тех характеристик психического, которые выходят за пределы адаптивной, приспособительной деятельности. Для психологии субъекта проблема активности является одной из главных, она оказывается тем камнем преткновения, с которым сталкиваются все участники дискуссий о специфике субъектных проявлений личности и индивидуальности.

Брушлинский рассматривал активность с системных позиций, тщательно анализируя разные ее формы и уровни в их взаимосвязях и взаимодействиях. Ученый внедрял в психологическое сообщество мысль о том, что и сознательная, и бессознательная активность на уровне психического как процесса являются способом формирования, развития и проявления человека как субъекта.

То, что к концу жизни для Андрея Владимировича основным предметом его научных размышлений стала именно описанная выше проблемная область, не удивительно: в психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех его предыдущих исследований. С методологической точки зрения можно утверждать, что он разработывал психологию субъекта как целостную и системную область психологического знания. На уровне конкретно-психологических исследований, представленных в разных публикациях Брушлинского, это проявлялось в осознанном выделении им структурного, динамического и регулятивного планов анализа психологии субъекта. При этом наибольшее внимание он уделял двум главным проблемам: критериям субъекта и разнообразию видов человеческой активности.

Динамический план анализа психологии субъекта. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности. В этой связи научным оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т.п. «Первый существенный критерий становления субъекта — это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения

их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий — это выделение детьми в возрасте 6–9 лет на основе деятельности и общения *объектов* благодаря их обобщению в форме простейших **понятий** (числа и т.д.)» (Брушлинский, 2002, с. 12–13).

Брушлинский рассматривал проблему критериев, прежде всего, в динамическом плане. Он стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе проявления им разных видов активности — познания, действия, созерцания, индивидуального развития (как особого способа подлинно человеческого существования). Однако динамический план психологии субъекта не ограничивается только временной составляющей онтогенеза психики. Не менее важной оказывается конкретная динамика протекания психических процессов, реализации знаний, умений и т.п. в тех ситуациях, в которых человек проявляет себя как субъект. Вследствие этого, опираясь на логику рассуждений Андрея Владимировича и анализируемые им социальные и иные области проявлений человеческой субъектности, к названным выше следует добавить еще, по меньшей мере, два критерия.

Третьим критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми, прежде всего, на основании сознательных нравственных убеждений. Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения.

Четвертый критерий — развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающих человеку взгляд на себя со стороны. В отличие от остального сущего человек всегда соотносен со своим бытием. Соотнесенность проявляется, прежде всего, в направленности познавательной, этической и эстетической активности взаимодействующих людей не только друг на друга, но и на себя. Именно рефлексивное отношение каждого из нас к себе наиболее рельефно выражает отношение к бытию. Способность к рефлексии, направленной на себя, — ключ к превращению человека в субъекта. Субъект — это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания.

Структурный план анализа психологии субъекта. Другая сторона исследования психологических характеристик субъекта представляет собой структурный план анализа обсуждаемой проблемной области. В этом ракурсе в фокусе исследования психологов оказываются различные виды активности: деятельность, общение (Б. Ф. Ломов), созерцание (С. Л. Рубинштейн), преобразовательная активность человека, направленная на создание и изменение обстоятельств своей жизни и жизни других людей (Б. Г. Ананьев). Свое определение субъекта А. В. Брушлинский построил на основе анализа идей С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева и др. Субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью. В данном определении необходимо подчеркнуть такое свойство субъекта, как «преобразо-

вательная активность, соответствующая уровню развития индивида».

Как полагает К. А. Абульханова, раскрывать психологическую природу субъекта надо через совокупность его отношений к миру. С этой позиции, субъект — это специфический способ организации, качественной определенности сознания современной личности. Личность, выступая как субъект деятельности, сталкивается с противоречием своих желаний, потребностей и объективными препятствиями на пути их удовлетворения. Именно разрешая противоречия, личность приобретает новое качество отношений к миру, дающее психологу основание говорить о ней как о субъекте деятельности (Абульханова, 1997).

А. В. Брушлинский, во-первых, не во всем соглашался с такой точкой зрения: «Субъект — это всеохватывающее, *наиболее широкое* понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. Личность, напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида» (Брушлинский, 2001, с. 17). Во-вторых, он не сводил активность субъекта исключительно к деятельности: проявление сознательной и бессознательной активности в поведении, формирование политической воли, рост духовности — все использовалось им в качестве аргументов для обоснования субъектной сущности людей (Знаков, 2016).

Значимым является следующий вопрос: в современной психологической литературе есть немало интересных и содержательных публикаций на обсуждаемую тему, но существует несколько причин, по которым основателем психологии субъекта выступает А. В. Брушлинский. Дело в том, что только А. В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно

назвать «основателем дискурсивности». Его заслуга не только в том, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т.д.). Он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную возможность дискурсов — допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем. В таком дискурсивном поле, с одной стороны, уже теряется первоначальная научная значимость личностной, авторской, субъектной отнесенности сказанного к А. В. Брушлинскому. Это происходит потому, что для профессионалов высказанные им идеи уже давно стали аксиомами и даже трюизмами. К примеру, в сотнях работ воспроизводится его определение субъекта как человека на высшем для него уровне активности, целостности... С другой стороны, дискурсивное поле, первоначальные границы которого были очерчены названным психологом, открывает для исследователей возможности создания чего-то, восходящего к психологии субъекта А. В. Брушлинского, но уже отличающегося от него (системно-субъектный и субъектно-бытийный походы, психология человеческого бытия и т.п.). Однако именно психология субъекта как заданное основание дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований.

Фактически А. В. Брушлинский сформулировал и пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, чем они отличаются от характеристик индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии

с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос проявилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эпистемологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неразрывно связан с научными представлениями о деятельности природы человеческой психики: какие виды деятельности способны, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности (Поддяков, 2014), безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций.

Значение категории субъекта для психологии состоит в нескольких основных аспектах. Во-первых, категория субъекта позволяет обратиться к *целостному* изучению человека. «Целостность субъекта есть основание для системности всех его психических качеств. Данный онтологический план определяет гносеологическую основу рассматриваемой проблемы, т.е. разработка психологии субъекта (индивидуального, группового и т.д.) — это путь к установлению единства психологической науки» (Брушлинский, 2006, с. 522).

Во-вторых, категория субъекта способствует объединению разрозненных аспектов в изучении индивидуальности (темперамента, характера, направленности) в единую интегративную *индивидуальность* человека. В-третьих, обращаясь к исследованию субъекта, мы открываем возможность изучать поведение, деятельность, сознание как *опосредованные* внутренним миром человека, его субъектными выборами и предпочтениями, его активным построением модели этого мира. Выделенные значения категории субъекта возникли в развитии психологии неслучайно. Этому способствовало взаимопроникновение разных парадигм в исследова-

нии человека, осознание единого предмета в его изучении, что породило не только рост междисциплинарных исследований, но и становление *единой* психологической науки, что предвидел и на чем настаивал в своих работах Б. Г. Ананьев (1968).

Результатом поисков такого целостного подхода к психологическому исследованию человека может стать *психология субъекта*. Именно в субъекте как метасистеме представлена психика в единстве ее организации, именно в субъекте объединены и естественно-научные и гуманитарные парадигмы исследования человека, именно в субъекте находится единство универсального и уникального, именно в субъекте раскрывается индивидуальность человека. Именно в субъекте могут быть объединены такие различные характеристики индивидуальности, как темперамент и характер, мотивация и направленность и т.д.

Схематично основные положения психологии субъекта можно свести к следующим: субъект — это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. На этом уровне человек предельно индивидуализирован, то есть проявляет особенности своей мотивации, способностей, психической организации. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности. Каждая личность есть субъект, но он не сводим к личности. Субъект — качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности. Целостность, единство, интегративность субъекта являются основой системности

его психических качеств (Брушлинский, 1999; 2000а; 2000б; 2002; 2003; 2006). Раскрывая природу целостности субъекта, А. В. Брушлинский указывает, что это означает, прежде всего, неразрывную взаимосвязь природного и социального на всех стадиях развития человека, начиная с пренатальной стадии, когда появляются самые первые, простейшие психические явления у еще неродившегося младенца.

В российской психологической науке категория субъекта играет *системообразующую роль* и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последних пятнадцати лет проблема субъекта обсуждалась на семинарах и конференциях, в статьях и монографиях, диссертациях и учебных пособиях (Проблема субъекта..., 2000; Психология индивидуального..., 2002; Брушлинский, 2003; Селиванов, 2003; Субъект, личность..., 2005; Личность и бытие..., 2008; Субъектный подход..., 2009; Психология субъекта..., 2010; Человек, субъект..., 2013). Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что за последние примерно 15–20 лет, главным образом благодаря целенаправленным и даже подвижническим усилиям А. В. Брушлинского, а также его последователей, в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований — психология субъекта. В ней фактически представлена история главных проблем психологической науки двадцатого столетия: соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики и др. Следовательно, категория субъекта обрела статус системообразующей категории, выполняющей методологические функции. К. А. Абульханова подчеркивает, что именно субъект должен стать *предметом* психологической науки (Абульханова, 2005).

На первых этапах формирования области исследований психологии субъек-

та различия в установках исследователей проявлялись, прежде всего, в интерпретации проблемы соотношения психологических характеристик субъекта и личности.

Понимание духовности совпадает с психологией субъекта А. В. Брушлинского. В его «Избранных психологических трудах» (Брушлинский, 2006) понятие «духовность» употребляется более 60 раз. Он использует это понятие не в узком, например религиозном, смысле, а в широком, применимом к психологическому анализу гуманизма, тоталитаризма, нравственности и других макрокатегорий. Рассуждая метафорически, можно утверждать, что психология субъекта, безусловно, потенциально включает духовные упражнения и практики. Продемонстрирую это, ссылаясь на различия между «субъектным» и «субъектно-деятельностным» психологическими подходами. Главное различие между ними — в методах психологических исследований. Как уже было сказано выше, психология субъекта в варианте А. В. Брушлинского стимулировала возникновение новых направлений психологической науки, одним из которых является психология человеческого бытия.

Психология субъекта не только основывается на фундаментальных традициях субъектно-деятельностного подхода школы С. Л. Рубинштейна, но и сама порождает новые ветви этого богатого плодами дерева познания. Проведенный анализ показал, что категория субъекта, исследованию которой так много усилий и таланта посвятил А. В. Брушлинский, действительно занимает особое место в современной психологии и играет в ней системообразующую роль. Благодаря ему, его ученикам и последователям психология субъекта в наше время представляет собой фундаментальную область психологической науки. В ее основании лежат не только убедительные теоретико-методологические доказательства,

она имеет и вполне ощутимые эмпирические следствия. Единственное, в чем сегодня ощущается острая научная необходимость, — в творческом развитии психологии субъекта.

Говоря о *перспективах* субъектного подхода в психологии, можно выделить несколько основных направлений. Перспективность субъектного подхода означает стремление к целостному изучению человека, к переходу от психологии психических процессов к *субъектной психологии*, что потребует значительных усилий и времени, поскольку эта задача чрезвычайной сложности. А. В. Брушлинский неоднократно подчеркивал сложность такой задачи. Выделенная триада метауровневой организации и реализации субъекта — субъект жизни, субъект развития, субъект деятельности — требует теоретической и экспериментальной разработок, конкретизации соотношения данных метауровневой, описания их критериев и особенностей (Сергиенко, 2011).

В условиях преимущественного анализа трех модусов существования субъекта (жизни, развития и деятельности) осталась в тени проблема *субъекта познания*. Проблема субъекта познания имеет длительную историю изучения в рамках философии. Однако данная проблема может быть рассмотрена в новом ракурсе на основе развития представлений о психологии субъекта. Фактически речь идет об изменении акцентов в анализе особенностей познания. Если в классическом варианте в фокусе исследований были рациональные знания и законы причинности, то в соответствии с субъектным подходом важнее становится *понимание и интерпретация* окружения, где не всегда законы рациональности имеют силу. Например, убеждения и мнения, понимание интенций и желаний означает иной ракурс рассмотрения ментальных моделей, порождаемых субъектом. В основе понимания мира лежит процесс ментализации

событий и их моделирование, при этом необходимо отличать собственные модели от моделей других людей.

Психология человеческого бытия — научное направление, которое является продолжением и следствием психологии субъекта, выводит рассматриваемую проблему субъекта на междисциплинарный уровень, предполагающий взаимосвязи с экзистенциальной, социальной, когнитивной психологией, психологией личности и индивидуальности. Психология человеческого бытия предполагает обращение к самым общим категориям, занимающим умы человечества на всем протяжении его существования: жизнь и смерть, любовь и ненависть, доверие и недоверие к миру и людям, надежда и безнадежность и др. Это анализ *вершинных, духовных ценностей человека* с позиций субъектного подхода выводит психологию на уровень реальных жизненных проблем человека, соединяя классическую психологию с психологией человеческого бытия (Знаков, 2007; 2016).

Следующим перспективным направлением стало введение и обоснование категории *группового субъекта*. Возникновение группового субъекта обусловлено не столько совместной трудовой деятельностью, сколько наличием общих целей и задач, мотивов и интересов. Пристальный интерес ученых к структурным компонентам индивидуального и группового субъекта проявлялся, в частности, в том, что в качестве психологических особенностей коллективного субъекта выделялось наличие присущего нескольким людям состояния предактивности, способность группы проявлять совместные формы активности, коллективную саморефлексию и т.п. При этом общественные интересы существуют в том случае, если они одновременно являются личностными, но не внеличностными или надличностными. В этом свете очевидно, что тоталитаризм и субъект — понятия несовместимые.

Психология насилия при тоталитарной организации жизнедеятельности людей делает их объектами общественных влияний, не оставляя места свободе выбора, самореализации, автономности и другим проявлениям и развитию субъектности. Исследования группового субъекта приобретают особую значимость в связи с социальными, экономическими, религиозными, этническими и другими конфликтами, которые сопровождаются насилием и подавлением субъектности человека (Журавлев, 2009).

Важнейшей перспективной задачей для субъектного подхода является разработка представлений о *развитии субъектности человека*. Имеющиеся в настоящее время описания стадий или уровней развития субъекта либо фрагментарны, либо описывают в большей степени развитие личности как субъекта. Генетический принцип анализа субъекта позволит раскрыть условия и факторы становления разных уровней организации субъектности, соотношение различных внешних и внутренних условий реализации субъектности того или иного уровня. Перспективы в разработке уровней развития субъекта видятся в изучении и исследовании становления функций субъекта на разных этапах онтогенеза человека, охватывающего разные периоды от рождения до старости. Такая объемная задача требует серьезных исследовательских усилий, межпарадигмальных, сетевых подходов в разработке представлений о функциях субъекта (Сергиенко, 2011).

Жаркие споры о необходимости категории субъекта в психологии («третий лишний» — термин В. П. Зинченко) аналогичны дискуссии, которая разворачивалась вокруг категории личности в 60–70-х годах XX века. Перспективной и необходимой задачей для психологии субъекта становится *разграничение категорий личности и субъекта*, выделение их специфичности, соотношения и ме-

ста в психологической науке (Сергиенко, 2013; Харламенкова, Журавлев, 2009).

Научные взгляды А. В. Брушлинского за полвека творческой деятельности значительно эволюционировали. Эволюция не означает последовательного перехода от исследования одних проблем и использования одних методов к другим. Например, от микросемантического анализа мышления к макроаналитическому способу познания психического. Конечно же, такая последовательность была: даже беглый просмотр списка публикаций Андрея Владимировича сразу дает представление о том, что большинство работ о соотношении природного и социального в детерминации психики вышли из печати раньше, чем результаты исследований проблем выбора при решении нравственных задач или сопоставления философско-психологических взглядов С. Л. Рубинштейна и С. Л. Франка. Вместе с тем Брушлинский был большим ученым, не только чутко улавливающим парадигмальные изменения в структуре и методах психологического знания, но и способным устранять, казалось бы, непреодолимые противоречия между ними. Основой такой способности для него стали «сквозные» фундаментальные проблемы. Их многолетнее обдумывание дало ему возможность рассмотреть их с классических, неклассических и постнеклассических позиций, а также осознать достоинства и недостатки присущих каждой из названных парадигм типов рациональности. Соответственно оказалось, что многие проблемы могут быть предметом анализа, включающего одновременное использование разных способов рациональных рассуждений. Среди проблем, оставшихся в фокусе его внимания многие годы, были: вопрос о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин

и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности — недизъюнктивности и непрерывности организации психических процессов; проблема общественного — индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от С. Л. Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке; наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм. Именно в постнеклассической психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех предыдущих исследований Андрея Владимировича.

Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений психологии субъекта — духовности, нравственности, свободы, гуманизма. Он считал, что гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью, духовной деятельностью человека. Его научный подход расширяет горизонты наших представлений о человеке как нравственном и духовном субъекте. Понятие духовности играло чрезвычайно важную роль в мировоззрении А. В. Брушлинского. Он не сводил духовность к религиозности и не переставал подчеркивать, что дух, душа, духовное являются не над-психическим, а различными качествами психического как важнейшего атрибута субъекта. Однако он всерьез задумывался о сущности души и духовного субъекта и в этом контексте сравнивал основания научно-психологического и религиозного знания. Не удивительно, что он написал очень глубокую и интересную статью о незауряд-

ном российском религиозном мыслителе С. Л. Франке.

А. В. Брушлинский завершил свою жизнь целой серией трудов, достойных большого ученого. В них представлен целостный, оригинальный и сформированный вариант психологии субъекта. Принципиальная новизна психологии субъекта заключается главным образом в трех основных положениях: в значительном расширении представлений о содержании активности как фактора детерминации психики; в переходе от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического; в целостном системном характере исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта.

Сегодня психология субъекта является методологической основой современных эмпирических исследований. Например, изучения онтогенетически ранних этапов становления субъектности; исследования соотношения характеристик индивидуального и группового субъектов; субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний в межличностном общении; анализа когнитивных и экзистенциальных составляющих самопонимания субъекта, а также многих других интересных и перспективных направлений психологических исследований.

Наконец, говоря о А. В. Брушлинском, нельзя не отметить гуманистическую ориентацию его личности и научной деятельности. Его отличали внимание к людям, интеллигентный стиль общения, умение увидеть сильные стороны у каждого человека, стимулировать его развитие. В решении любого вопроса он был предельно честен, справедлив и бескомпромиссен. Эти качества особенно ярко проявились в его управленческой деятельности на посту неоднократно выдвинутого директора Института психологии РАН.

Андрей Владимирович внезапно ушел из жизни, его убийство потрясло не только его соратников и сподвижников, но всю научную общественность, стало резонансным событием в стране. Его не стало, когда он был на взлете, пике творческой активности. Он многое мог бы еще сделать, но теперь нам остается только вчитываться и вдумываться в его творческое наследие!

Только благодаря одержимости Андрея Владимировича, убежденности и непреклонной вере в психологическую науку, были сформулированы основные принципы субъектно-деятельностного подхода, который обрел целостные контуры, стал одной из объединяющих парадигм научного мышления.

Литература

- Абульханова К. А. (1997). Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Институт психологии РАН. С. 56–74.
- Абульханова К. А. (2005). Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Т. 2, № 4. С. 3–22.
- Ананьев Б. Г. (1968). Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Брушлинский А. В. (1968). Культурно-историческая теория мышления. М.: Высшая школа.
- Брушлинский А. В. (1979). Мышление и прогнозирование: логико-психологический анализ. М.: Мысль.
- Брушлинский А. В. (1999). Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / под ред. В. Н. Дружинина. М.: Инфра-М. С. 330–346.
- Брушлинский А. В. (2000а). Гуманистичность психологической науки // Психологический журнал. № 3. С. 43–48.
- Брушлинский А. В. (2000б). Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психологический журнал. № 6. С. 5–11.
- Брушлинский А. В. (2001). О критериях субъекта и его деятельности // Психология субъекта профессиональной деятельности. Москва–Ярославль: ДИА-пресс. С. 5–23.
- Брушлинский А. В. (2002). О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕР СЭ. С. 9–33.
- Брушлинский А. В. (2003). Психология субъекта / под ред. В. В. Знакова. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя.
- Брушлинский А. В. (2006). Избранные психологические труды. М.: Институт психологии РАН.
- Брушлинский А. В., Темнова Л. В. (1993). Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений / под ред. К. А. Абульхановой и М. И. Воловиковой. М.: Институт психологии РАН. С. 45–56.
- Журавлев А. Л. (2009). Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. № 5. С. 72–80.
- Знаков В. В. (2007). Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Институт психологии РАН.
- Знаков В. В. (2016). Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН.
- Личность и бытие: субъектный подход (2008). Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Институт психологии РАН.
- Мелешко Т. К. (2005). Континуально-генетическая теория А. В. Брушлинского: рождение идеи // Психологический журнал. № 4. С. 98–104.
- Мелешко Т. К., Журавлев А. Л. (2006). А. В. Брушлинский — ученый и организатор науки // А. В. Брушлинский. Избранные психологические труды. М.: Институт психологии РАН. С. 5–21.
- Поддьяков А. Н. (2014). Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Проблема субъекта в психологической науке (2000) / под ред. А. В. Брушлинско-

го, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект.

Психология индивидуального и группового субъекта (2002) / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ.

Психология субъекта и психология человеческого бытия (2010) / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.

Селиванов В. В. (2003). Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск: Универсум.

Сергиенко Е. А. (2011). Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. № 1. С. 120–132.

Сергиенко Е. А. (2013). Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. № 2. С. 5–16.

Субъект, личность и психология человеческого бытия (2005) / под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН. С. 9–44.

Субъектный подход в психологии (2009) / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН.

Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л. (2009). Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. № 6. С. 30–39.

Человек, субъект, личность в современной психологии (2013). Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. В 3 т. М.: Институт психологии РАН.

ABSTRACTS & REFERENCES

Section THE ANNIVERSARY OF A. V. BRUHLINSKY

ANDREY VLADIMIROVICH BRUHLINSKY: LIFE DEVOTED TO SCIENCE

V. V. Znakov
*Institute of Psychology of
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: znikov50@yandex.ru*

E. A. Sergienko
*Institute of Psychology of
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: elenas13@mail.ru*

The paper reveals the meaning of A. V. Brushlinsky for psychological science. A brief biographical sketch of his life and his becoming as a methodologist, theorist, creator and organizer of the psychological science are presented. For almost half a century of the creative activity, he developed a theory of thinking as a prediction, explored the fundamental issues of methodology and history of psychology, the problems of artificial intelligence, the relationship of psychology and mathematics. He developed a continual-genetic (nondisjunctive) method of studying a person as a subject. On the basis of this method, A. V. Brushlinsky created the theory of the subject and his sociality, distinguishing the social and the public; generalized the principle of determinism in relation to the social-historical development of man. It is shown that A. V. Brushlinsky developed a holistic, original version of the subject's psychology, having formulated a subject-activity approach. In his version of the psychology of the subject, in fact, history of the main problems of the Russian psychological science of the twentieth century, which for almost half a century of scholarly activity was in the focus of attention of Brushlinsky. These are the problems of the correlation of biological and social, conscious and unconscious, external causes and internal conditions in the determination of the mentality. The main principally new provisions of the psychology of the subject are singled out: a transition from a microsemantic to a macroanalytical method of cognition of the mentality has been accomplished; significantly expanded the idea of the content of activity as a determinant of the mentality; the system character of the investigation of the dynamic, structural and regulatory plans for the analysis of the subject's psychology is analyzed; the principal possibility of ambiguity in the subject's decisions of vital tasks is shown, in contrast to the idea prevailing before in Russian psychology of obtaining a new knowledge of the world only as a result of solving objective problems. The essence of the subject's psychology by A. V. Brushlinsky was described. A. V. Brushlinsky saw the perspective of psychological science in the development of the subject approach, in the transition from the psychology of mental processes to subject psychology, which requires considerable effort and time, consolidation of scientific efforts in solving this task of extreme complexity.

Keywords: subject-activity approach, psychology of subject, principles of subject's psychology, prospects of subject's psychology.

DOI: 10.7868/S1819265318020012

Citation: Znakov V. V., Sergienko E. A. (2018). Andrej Vladimirovič Brušlinskij: Žizn', otdannaâ nauke [Andrej Vladimirovich Brushlinsky: Life devoted to science] // Metodologîâ i istoriâ psihologii. Iss. 2. P. 5–21.

References

Abulkhanova K. A. (1997). Mirovozzrenčeskij smysl i naučnoe značenie kategorii sub"ekta [The ideological meaning and scientific value of the category of the subject] // Rossijskij mentalitet: voprosy psihologičeskoj teorii i praktiki. Moscow: Institut psihologii RAN. P. 56–74.

Abulkhanova K. A. (2005). Princip sub"ekta v otečestvennoj psihologii [The principle of the subject in Russian psychology] // Psihologîâ. Vol. 2. N 4. P. 3–22.

Ananiev B. G. (1968). Čelovek kak predmet poznaniâ [Human as an Object of Knowledge]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.

Brushlinsky A. V. (1968). Kul'turno-istoričeskaâ teoriâ myšleniâ [Cultural-Historical Theory of Thinking]. Moscow: Vysšaâ škola.

Brushlinsky A. V. (1979). Myšlenie i prognozirovanie: logiko-psihologičeskij analiz [Thinking and Forecasting: Logical and Psychological Analysis]. Moscow: Mysl'.

Brushlinsky A. V. (1999). Psihologîâ sub"ekta i ego deâtel'nosti [Psychology of the subject and his activity] // Sovremennaâ psihologîâ. Spravočnoe rukovodstvo / Ed. by V. N. Druzhinin. Moscow: Infra-M. P. 330–346.

Brushlinsky A. V. (2000a). Gumanističnost' psihologičeskoj nauki [Humanism of psychological science] // Psihologičeskij žurnal. N 3. P. 43–48.

Brushlinsky A. V. (2000b). Deâtel'nost' sub"ekta kak edinstvo teorii i praktiki [Subject activity as a unity of theory and practice] // Psihologičeskij žurnal. N 6. P. 5–11.

Brushlinsky A. V. (2001). O kriteriâh sub"ekta i ego deâtel'nosti [On the criteria of the subject and his activities] // Psihologîâ sub"ekta professional'noj deâtel'nosti. Moscow; Yaroslavl: DIA-press. P. 5–23.

Brushlinsky A. V. (2002). O kriteriâh sub"ekta [On the criteria of the subject] // Psihologîâ individual'nogo i gruppovogo sub"ekta. Moscow: PER SĖ. P. 9–33.

Brushlinsky A. V. (2003). Psihologîâ sub"ekta [Psychology of the Subject] / Ed. by V. V. Znakov. Moscow: Institut psihologii RAN; Saint Petersburg: Aletejâ.

Brushlinsky A. V. (2006). Izbrannye psihologičeskije trudy [Selected Psychological Works]. Moscow: Institut psihologii RAN.

Brushlinsky A. V., Temnova L. V. (1993). Intellektual'nyj potencial ličnosti i rešenie npravstvennyh zadač [The intellectual potential of the individual and the solution of moral problems] // Psihologîâ ličnosti v usloviâh social'nyh izmenenij / Ed. by K. A. Abulkhanova, M. I. Volovikova. Moscow: Institut psihologii RAN. P. 45–56.

Čelovek, sub"ekt, ličnost' v sovremennoj psihologii [Human, Subject, and Personality in Modern Psychology]. (2013). Materialy Meždunarodnoj konferencii, posvâšennoj 80-letiu A. V. Brušlinskogo [Proceedings of the International Conference dedicated to the 80th anniversary of A. V. Brushlinsky]. In 3 vols. Moscow: Institut psihologii RAN.

Kharlamenkova N. E., Zhuravlev A. L. (2009). Psihologiâ ličnosti kak otkrytoj i razvivaûšej sîstemy (k ûbileû L. I. Antsiferovoj) [Psychology of personality as an open and developing system (on the anniversary of L. I. Antsiferova)] // Psihologičeskij žurnal. N 6. P. 30–39.

Ličnost' i bytie: sub'ektnyj podhod [Personality and Being: A Subject Approach]. (2008). Materialy naučnoj konferencii, posvâšennoj 75-letiu so dnâ roždeniâ člena-korrespondenta RAN A. V. Brušlinskogo, 15–16 oktâbrâ 2008 g. [Proceedings of the scientific conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A. V. Brushlinsky, October 15–16, 2008] / Ed. by A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina. Moscow: Institut psihologii RAN.

Meleshko T. K. (2005). Kontinual'no-genetičeskâ teoriâ A. V. Brušlinskogo: roždenie idei [A. V. Brushlinsky's continual-genetic theory: The birth of the idea] // Psihologičeskij žurnal. N 4. P. 98–104.

Meleshko T. K., Zhuravlev A. L. (2006). A. V. Brušlinskij – učenij i organizator nauki [A. V. Brushlinsky, a scientist and organizer of science] // A. V. Brušlinskij. Izbrannye psihologičeskie trudy. Moscow: Institut psihologii RAN. P. 5–21.

Poddiakov A. N. (2014). Komplikologiâ: sozdanie razvivaûših, diagnostiruûših i destruktivnyh trudnostej [Complicology: The Creation of Developing, Diagnosing and Destructive Difficulties]. Moscow: Izd. dom Vysšej školy èkonomiki.

Problema sub'ekta v psihologičeskoj nauke [The Problem of the Subject in Psychological Science] (2000) / Ed. by A. V. Brushlinsky, M. I. Volovikova, V. N. Druzhinin. Moscow: Akademičeskij projekt.

Psihologiâ individual'nogo i gruppovogo sub'ekta [Psychology of the Individual and Group Subjects] (2002) / Ed. by A. V. Brushlinsky, M. I. Volovikova. Moscow: PER SË.

Psihologiâ sub'ekta i psihologiâ čelovečeskogo bytiâ [The Psychology of the Subject and the Psychology of Human Existence] (2010) / Ed. by V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergienko. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t.

Selivanov V. V. (2003). Myšlenie v ličnostnom razvitii sub'ekta [Thinking in the Subject's Personality Development]. Smolensk: Universum.

Sergienko E. A. (2011). Sistemno-sub'ektnyj podhod: obosnovanie i perspektiva [The system-subject approach: Its grounds and perspective] // Psihologičeskij žurnal. N 1. P. 120–132.

Sergienko E. A. (2013). Problema sootnošeniâ ponâtij sub'ekta i ličnosti [The problem of the relationship between the concepts of subject and personality] // Psihologičeskij žurnal. N 2. P. 5–16.

Sub'ekt, ličnost' i psihologiâ čelovečeskogo bytiâ [Subject, Personality and Psychology of Human Existence] (2005) / Ed. by V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina. Moscow: Institut psihologii RAN.

Sub'ektnyj podhod v psihologii [Subject Approach in Psychology] (2009) / Ed. by A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergienko. Moscow: Institut psihologii RAN.

Zhuravlev A. L. (2009). Kollektivnyj sub'ekt: osnovnye priznaki, urovni i psihologičeskie tipy [Collective subject: main characteristics, levels and psychological types] // Psihologičeskij žurnal. N 5. P. 72–80.

Znakov V. V. (2007). Ponimanie v myšlenii, obšenii, čelovečeskom bytii [Understanding in Thinking, Communication, and Human Existence]. Moscow: Institut psihologii RAN.

Znakov V. V. (2016). Psihologiâ ponimaniâ mira čeloveka [Psychology of Understanding the World of a Man]. Moscow: Institut psihologii RAN.